

I. ВВЕДЕНИЕ*

Записки, мемуары — все-таки не что иное, как обдуманное воссоздание жизни. Письма — это самая жизнь, которую захватываешь по горячим следам ее. Как семейный и домашний быт древнего мира, внезапно остывший в лаве, отыскивается целиком под развалинами Помпеи, так и здесь жизнь нетронутая и нетленная <...> еще теплится в остывших чернилах¹.

История этой публикации началась, как нередко начинаются подобные истории, — со случайной архивной находки. Несколько лет назад в фондах учреждения с романтическим названием «Тайный государственный архив Прусского культурного наследия» в Берлине мне попались папки листков с конвертами, исписанных русской скорописью середины XVIII века. Жизнь с тех пор не стояла на месте. Прошел 250-летний юбилей главного события, о котором пойдет речь, — войны, называвшейся современниками Прусской, а потомками Семилетней (1756–1763), и 300-летие ее главного героя, прусского короля Фридриха II. Оба юбилея оставили после себя богатые плоды исследований. Но не у нас. В России эта война по-прежнему остается в числе «незнаменитых». Временные всплески интереса к ней в прошлом были, как правило, индикатором наших предстоящих или уже разразившихся конфликтов с потомками «Федора Федоровича» (как именовали Фридриха II участники Семилетней войны)². Угас даже наметившийся было государственный

* Выдержки из архивных материалов и часть комментариев публиковались ранее онлайн (Сдвижков 2010, последнее обращение 31.05.2015) и в журнальной статье (Sdvizkov 2012).

¹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. VII. СПб. 1882, 135.

² Коробков 1940, Коробков 1948, Семеня 1951, Румянцев 1953.

интерес к созданию нарратива о первом включении Восточной Пруссии *alias* Калининградской области в состав остальной России в 1758–1762 годах³.

Лакуна закономерна, ибо затяжная война с непонятными целями не была популярной у современников и наносила, по их разумению, «великий государственный вред»⁴. В итоге, по общему мнению, выраженному в мемуарах А. Т. Болотова, «народа погублено великое множество <...> без малейшей пользы для любезного отечества нашего»⁵. Лакуна понятна, но вряд ли извинительна.

Люди Российской-императорской армии эпохи Семилетней войны остаются неразличимой массой «москвитов», о которых судят в основном по сторонним свидетельствам союзников или противников. На сцене барочного *theatrum belli* один из актеров, игравший далеко не последнюю роль, оказывается за сценой, а пушки и ружья противника палят в никуда. Втуне лежит огромный материал «культуры» войны, ибо всякий большой конфликт так или иначе задействует как непосредственных участников, так и наблюдателей, заставляя реагировать, высказываться и фиксировать свою реакцию на разных уровнях, будь то официальные документы, проповеди, оды, личные свидетельства разного рода, солдатские песни и т. п.

С другой стороны, есть и преимущества. Провисшая в коллективной памяти и погребенная в остывшей лаве архивных актов война не разошлась на строительный материал для позднейшего национализма. Не задействованная в государственном заказе, эта материя составляет предмет увлечений редких бескорыстных энтузиастов профессионального цеха и «сетевой общественности»⁶.

³ Крети́нин 1996.

⁴ Андреев 1870, 78. Ср. свидетельство иного круга десятилетие спустя: «Прусская война сколько тысячей братьев наших пожерла! Сколько вдов и сирот плачущих оставила, общую казну истощила!» (Тихон (Задонский) — Т. В. Кишкину, 20.06./01.07.1769 // *Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского*. Т. I, кн. 3. СПб. б. г., 306). Здесь и далее даты по новому и старому стилю, в неоговоренных случаях датировка по новому стилю. Внутри текста в русских письмах и других источниках оставлена оригинальная датировка. Разница в XVIII веке составляла 11 дней.

⁵ Болотов II, 95. Потери всех воюющих сторон по самым приблизительным подсчетам составили 500–550 тысяч (*Kunisch J. Friedrich der Große. Der König und seine Zeit. München 2004, 155, 465; Урланис Б. Ц. История военных потерь. СПб. 1994, 337 — из них Россия 120 000*).

⁶ Анисимов 2014, Доля; Оточкин 2016 и др.

С большими войнами такое случается совсем не часто. По контрасту это иллюстрирует для Семилетней войны пример Германии, когда при жизни Фридриха II право на существование имела лишь одна — его собственная — трактовка событий⁷. Или наш отечественный отполированный до бронзового блеска 1812 год. Тем более можно надеяться, что письма с Прусской войны смогут, как сулит приведенный в начале эпиграф Петра Андреевича Вяземского, послужить к раскрытию *застывшего быта и теплящейся жизни*.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИСТОЧНИКА

Для русского Семилетняя война по многому особенно любопытна⁸.

Почему именно 1758-й? В сентябре этого года спустя месяц после баталии при Цорндорфе⁹ между Российско-императорской армией (РИА) и войсками Фридриха II пруссакам удалось перехватить в польском приграничном местечке Ландек лейб-гвардии Преображенского полка сержанта (фурьера) Людвиг Фридрихса — одного из курьеров, курсировавших между Петербургом и действующей Заграничной армией. Корреспонденция из Заграничной армии пересылалась тремя путями — ординарной почтой, эстафетой («на штафете») и курьерами. Важнейшую информацию доверяли именно последним. Поэтому диверсии практиковались всеми сторонами и на фельдъегерей устраивали настоящую охоту¹⁰. В следующем 1759 году прусские партии перехватили русского курьера, который

⁷ Heuser 2011; Raschke 1993. О Семилетней войне как отправной точке «классического» немецкого национализма см.: Blitz 2000, Burgdorf 2001.

⁸ Казадаев А. В. Предисловие // Рецов 1818, XVIII.

⁹ Соответствие исторических топонимов современным названиям здесь и далее см. в приложенном указателе.

¹⁰ Юсов 1999, 21; Доля I, 204–209. Подорожный лист курьера: Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin (далее: GStA PK), I. HA Geheimer Rat, Rep. 63 Neuere Kriegssachen, N 1451, Bl. 12–13). GStA PK: Тайный государственный архив Прусского культурного наследия (Берлин), раздел фондов Тайного совета, фонд (Rep. — *Repositur*), номер дела и лист (Bl. = л.; RS = об.). Поскольку почти все цитируемое из этого архива происходит из фонда «Новые военные дела», далее в сносках оставлены только номер дела и листы. В деле 1452, где листы не пронумерованы, используется порядковый номер письма в папке.

возвращался к армии из Вены, аж в Ченстохове¹¹. В нашем случае, судя по обстоятельствам дела¹², за захват курьера с двумя казаками свою лепту должен был получить какой-нибудь прусский «конфидент» в польском местечке, где с сопровождавшими его казаками заночевал неудачливый гонец.

Поскольку курьер из Петербурга проделал вместе с армией три марша, в его кожаной суме наряду с официальной корреспонденцией накопилось за это время около ста частных писем разного объема (№ 1)¹³. Перехваченные письма были направлены местным амтманом (главой администрации) срочной эстафетой (№ 2) в *Kabinettsministerium*, выполнявший в тогдашней Пруссии функции министерства иностранных дел. Здесь по поручению министра Эвальда Фридриха фон Херцберга их выборочно переводили три переводчика. Первые два справились с заданием посредственно, и за дело в конце концов взялся Леонард Эйлер¹⁴. Знаменитый швейцарский математик, член Петербургской и Берлинской академий наук, знаток русского языка, Эйлер после долгого (с 1727 г.) пребывания в Санкт-Петербурге и перед новым возвращением в Россию перебрался в 1741 г. в Берлин. Благодаря великолепно усвоенному русскому языку услуги Эйлера оченьгодились во время войны в королевском кабинете. Судя по неполным и часто неправильным переводам первых двух переводчиков (с язвительными комментариями Эйлера к ним), только он один и смог разобрать каракули партикулярных русских писем.

О нравах тогдашней войны много говорит то, что Эйлер сохранял связи в Петербурге и ничтоже сумняшеся посылал в Академию неприятельской страны свои научные работы. О «коллораборационизме» Эйлера в России так и не узнали. Однако возмездие волею судеб последовало, когда его поместье в Шарлоттенбурге под Берлином

¹¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 114. Ч. 4 (5). Л. 274–274 об.; *Messelière* 1803, 258–259.

¹² Об обстоятельствах перехвата см. также: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 114. Ч. 3 (5). Л. 291–291 об.; В. В. Фермор — М. И. Воронцову, Транбург 22.10./02.11.1758 (АКВ, VI, 347).

¹³ Здесь и далее номерные ссылки в круглых скобках внутри текста обозначают порядковый номер документа, публикуемого в основной части («Свидетельства»).

¹⁴ N 1451. Вл. 9. Единственная известная мне онлайн-публикация перехваченной русской корреспонденции — в составе информации к юбилею Л. Эйлера на сайте Берлинско-Бранденбургской академии наук, которая включает два перевода Эйлером русских писем (<http://euler.bbaw.de/euleriana/ansicht.php?dokument=136>, последнее обращение 24.05.2015).

было разграблено во время русско-австрийского рейда в 1760 г. («г-н профессор Эйлер» лишился ржи, ячменя, овса, сена, двух лошадей, тринадцати голов скота, семи свиней и двенадцати овец)¹⁵.

Переведенные материалы использовались первым делом для тактических целей: осенью 1758 г. пруссакам важно было понять, намерена ли русская армия еще в том же году перейти за Одер, двигаться на запад или север на соединение с австрийцами или шведами, либо — как это в действительности и произошло — активная фаза кампании закончена, и «московиты» уйдут на винтер-квартиры за Вислу¹⁶. Самого Фридриха II, которого известили о письмах, интересовали именно эти военные перспективы¹⁷.

Но едва ли не более важным стало использование материалов перехвата в последовавшей за военной столь же ожесточенной информационной битве между Петербургом и Берлином. С началом активного участия России в Семилетней войне пропагандистская полемика касалась в основном «эксцессов», чинимых армиями над мирными жителями¹⁸. Осенью же 1758 г. обеим сторонам важно было убедить европейскую общественность в своей победе при Цорндорфе¹⁹. Обнародование перехваченных писем или экстрактов

¹⁵ Brandenburgisches Landeshauptarchiv. Rep. 2 Kurmärkische Kriegs- und Domänenkammer. Nr. S 3498. Нравы этой войны живописует и дальнейшее: спустя неделю Эйлер уже писал о своих потерях в Петербург историку Г.-Ф. Миллеру, предлагая между прочим подключить к делу М. В. Ломоносова — заодно преувеличив число потерянных лошадей вдвое. И действительно получил требуемую компенсацию (1200 рублей), правда, уже при Екатерине II (*Пекарский П. П.* История Императорской академии наук в Петербурге. СПб. 1870. I, 278–280; *Knobloch E.* Leonhard Euler 1707–1783, Zum 300. Geburtstag eines langjährigen Wahlberliners // *Mitteilungen der Deutschen Mathematikervereinigung* 15 (2007), 276–288).

¹⁶ См. депешу из Штеттина от президента Померанской камер- и коммерц-коллегии Георга Вильгельма фон Ашерслебена (*Georg Wilhelm von Aschersleben*) (N 1451. Bl. 10), задержавшего королевскую эстафету с известием о находящихся среди захваченных писем депеши от австрийского военного представителя генерала Сент-Андре к посланнику Австрии при русском дворе Николаусу (Миклошу) Эстерхази. Сент-Андре сообщал, что русские не будут форсировать Одер, как и предполагали пруссаки.

¹⁷ РС XVII, № 10396, 10417.

¹⁸ Фридрих II — министру кабинета гр. фон Финкенштейну, Доберло 07.09.1758 (эксцессы русской армии в Новой марке, N 1291); Лорд-маршал Шотландии [Джордж Кейт] — гр. Подевильсу, Невшатель 13.09.1758 (об организации антирусской кампании в Европе, N 1290). Русский ответ: *Schreiben eines Russischen Reisenden*.

¹⁹ *Anklam* 2007; *Osnovam* 2010, 9–12.

из них в подобных целях было общераспространенной практикой²⁰. В России, к примеру, обнародовали в последнюю русско-шведскую войну 1741–1743 гг. захваченные неотправленные письма шведских солдат²¹. И в этот раз пруссаков решили бить их же оружием: для подтверждения своих позиций после Цорндорфа использовали письма свидетелей баталии из Восточной Пруссии, перехваченные и направленные в Придворную Конференцию российским губернатором Кенигсберга Николаем Корфом (№ 113, 114)²².

Пруссаки обнародовали переводы нескольких бумаг из перехваченной почты: реляцию генерала П. И. Панина И. И. Шувалову со сведениями о потерях четырех полков приданной ему бригады (№ 4) и депешу шведского волонтера при русской армии Фромхольта Армфельта командующему шведскими войсками в Померании генералу Густаву Давиду Гамильтону (№ 112). Армфельт, сражавшийся в недавней русско-шведской войне 1741–1743 гг. против этой самой армии, был в своих оценках довольно критичен. Еще более критичной оказалась реляция о состоянии русской армии в целом и о Цорндорфской баталии принца Карла Саксонского, также перехваченная с курьером²³. Взбешенный главнокомандующий Фермор был на той же русско-шведской войне с противоположной стороны и своим новым союзникам не доверял. По поводу реляции Армфельта он писал, «что бы и неприятель наш злее выдумать не мог», и просил «от всех господ волонтеров» «армию избавить»²⁴.

Обе стороны направили в важнейшие центры, формировавшие общественное мнение тогдашней Европы свои, равно далекие от реалий, циркуляры о Цорндорфской баталии. Акцент в обоих делался на обстоятельствах, наиболее дискредитировавших каждую

²⁰ После разгрома в следующем, 1759 г., франко-саксонской армии при Миндене была захвачена корреспонденция главнокомандующего маркиза де Контада, немедленно опубликованная в выгодном для англо-прусской коалиции свете. В одном из захваченных писем, в частности, сообщалось, что после баталии при Цорндорфе «г-н генерал Формер [Фермор] написал всем посланникам Императрицы Российской при европейских дворах письма» с изображением в выгодном для России свете произошедшего 14/25 августа (*Lettres 1759*, 38).

²¹ *Егоров 2015*, 7.

²² *ЖВД*, 238–246. Спустя полвека катастрофа Великой армии в России 1812 г. точно так же подтверждалась публикацией перехваченных французских писем.

²³ Оригинал в берлинском фонде отсутствует, но текст известен по русскому переводу из бумаг М. И. Воронцова (*Принц Карл 1872*).

²⁴ В. В. Фермор — М. И. Воронцову, Мариенвердер 18/29.11.1758 // *АКВ VI*, 349.

из сторон. Фермор, как мы увидим, прямо исказил действительность, утверждая, что «l'Ennemi a abandonné le Champ de Bataille, en se retirant... Le lendemain nous avons enterré les morts»²⁵. Однако, в свою очередь, и Фридрих, мягко говоря, покривил душой, уверяя, что «mes troupes ont combattu avec une valeur singulière & en gens qui défendroient la patrie»²⁶.

Для нас важно, что благодаря всем этим обстоятельствам материалы, о которых идет речь, отложились в фонде прусской королевской администрации, *Тайного совета (Geheimer Rat)*, благодаря чему и уцелели. Поскольку Военный архив в Потсдаме, куда они должны были бы попасть по логике вещей, практически полностью погиб после бомбардировки англичан в 1945 г.

Русские письма, несмотря на все перипетии истории, остались практически в том же виде, в котором их вынули из сумы курьера, включая конверты и хорошо сохранившиеся красные сургучные печати: хороший материал сфрагистики для изучения еще не кодифицированных к тому времени дворянских гербов. Негативным фактором, повлиявшим на сохранность и читаемость писем, стало лишь то, что они писались в походных условиях, нередко на марше. Многие письма написаны разведенными, частично выцветшими за 250 лет, чернилами, иногда в буквальном смысле на клочках бумаги.

Уникальность материала в том, что особенности отложения архивных документов делают подобные находки нечастыми. Мало того что в архиве оказалось все без разбора разнородное содержимое из сумы курьера — от записочек до чертежей укреплений, — но к тому же пруссаки оставляли все нетронутым, не понимая содержания русских каракулей и опасаясь выбросить нечто важное. В государственные архивы личная корреспонденция в эти времена попадала только в экстраординарных случаях, обычно в качестве конфиската или приобщения к делу. В Пруссии перлюстрация и контроль

²⁵ «Неприятель, отступя, оставил поле битвы. На следующий день мы похоронили погибших» (В. В. Фермор — кн. А. М. Голицыну [русскому посланнику в Лондоне], копия. Гросс-Каммин, 31.08/11.09.1758 (N 1287. Bl. 150). Ср.: А. Головкин — В. В. Фермору, Гаага, 13/24.09.1758, копия (N 1449).

²⁶ «Мои войска дрались необыкновенно хорошо, защищая [свое] отечество» (черновик циркуляра Э. Ф. фон Херцберга от 26.08.1758, отправленный в Лондон, Гаагу, Регенсбург, Варшаву, Гамбург, Данциг, Копенгаген, Невшатель, Венецию, Рим и Кельн (N 1287. Bl. 30). Ср. копию переписки А. М. Голицына и лорда Холдернесса (Лондон 25.09 и 26.09.1758, N 1287. Bl. 149–151) и комментарий к ней: *Schaefer* 1870, 102–103.

за настроениями армии и подданных были поставлены на поток, и мы имеем регулярные экстракты из писем массы подданных короля в Семилетнюю войну как барометр общественного мнения²⁷. В России середины XVIII в. обычной почте тоже не доверяли. Канцлер М. И. Воронцов писал, к примеру, своему племяннику в Европу: «Ne m'écrivez dans vos lettres que des choses générales et réservez pour votre retour ici tous ce que vous trouverez digne de remarque²⁸». Перлюстрация заграничной переписки наряду с другими мерами предусматривалась как системная мера уже с начала елизаветинского царствования²⁹. Ко времени Семилетней войны она практиковалась на наиболее важном стратегически почтовом тракте из Пруссии через остзейские губернии в Петербург — на Нарвском, Рижском почтовых дворах и в завоеванной с 1758 г. Восточной Пруссии. Однако системы, подобной прусской, по всей стране не существовало; не было и четко определено, кто имеет право перлюстрации³⁰.

В частных фондах в России личной корреспонденции на этот период также сохранилось немного, как правило лишь у знатных родов вроде Воронцовых или Паниных. Однако и сохранившиеся семейные эпистолярные зачастую отличает сознательная выборочность в хранении и публикации материалов³¹. Особенно редка «лейтенантская» или, точнее, «поручицкая» проза — свидетельства

²⁷ Например, № 1466 и 1469 в том же фонде («Выписки из вскрытых на прусских почтамтах и содержащих сведения о военных действиях писем»).

²⁸ «Пишите мне в Ваших письмах лишь про обстоятельства общие, а все, что найдете достойным особого внимания, поберегите до Вашего возвращения сюда» (в Санкт-Петербург. — Д. С.) (М. И. Воронцов — А. Р. Воронцову, СПб. 10.10.1759 // АКВ XXXI, 97).

²⁹ См.: *Филлюшкин* 2002, 72 об указе 1742 г., введившем механизмы и штаты контрразведывательной деятельности в России.

³⁰ Ср.: *Измозик В. С.* «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII — начало XX века. М. 2015, 75–84. Еще до выступления армии в поход в 1757 г. С. Ф. Апраксин по своей инициативе велел вскрыть отправлявшуюся в Пруссию почту, обнаружив таким образом измену лифляндца подполковника Блома (см. ниже). После этого Апраксину по личному разрешению императрицы дозволили вскрывать письма — но только «подозрительные» и только до выступления в поход. Просьба секретаря походной Секретной канцелярии Веселицкого продолжать перлюстрацию самостоятельно после отзыва Апраксина не была удовлетворена (П. П. Веселицкий — М. И. Воронцову, Либава 14/25.11.1757 // АКВ VII, 500–501). О конфликте зимой 1758 г. касательно перлюстрации между почтмейстером Шмидтом и генерал-аудитором-лейтенантом Исаковым в Нарве см.: АКВ IV, 100–103.

³¹ *Бекасова* 2006, 26.

нижнего офицерского звена, которые присутствуют в нашем корпусе. Вообще же эпоха 1730–1750-х гг. даже на общем небогатом фоне русского XVIII в. выделялась А. Г. Тартаковским как «едва ли не самая глухая, неплодотворная пора» для мемуарного жанра и автобиографики в целом³².

В настоящем издании публикуются все входящие в найденный корпус частные письма, без изъятий и в аутентичном виде (см. правила публикации в начале основной части). Вне его остался лишь фонд, содержащий совершенно разрозненные письма и документы, найденные пруссаками в брошенном лагере дивизии Румянцева (N 1446). Особняком стоит также частная корреспонденция польского волонтера кн. Антония Сулковского, попавшего в плен при Цорндорфе (N 1444). Она публикуется здесь только в той части, которая освещает реалии походной жизни российской армии и кампании 1758 г.

Последняя часть публикуемых текстов подобрана с расчетом дать максимально аутентичный контекст обстоятельств создания писем. Это взгляд с разных перспектив, сконцентрированный на одном и том же пространстве и времени кампании 1758 г. К свидетельствам «актеров» Цорндорфского «марсова праздника» с обеих сторон добавлены зрители. Большая плотность свидетельств, сосредоточенных на небольшом отрезке времени в отношении ограниченного пространства, делает сходство с классицистическим театром единства действия, времени и места еще более полным. Приводятся свидетельства волонтеров при Российско-императорской армии, а также гражданских лиц из окрестностей Цорндорфа.

ПРОБЛЕМЫ И КОНТЕКСТ

*Войной ты началось, закончишься войною, —
Войною сабель и войною перьев,
Столетье!*³³

Одна из ключевых проблем истории как науки — в соотношении уникального и общего, единичного и обобщения. В нашем случае присутствует случайность в квадрате: отдельные письма

³² Тартаковский 1991, 49–50.

³³ Иоганн Вильгельм Людвиг Глейм, «Восемнадцатому веку» (1797). — *Пер. автора.*

представляют собой не только индивидуальные казусы/кейсы; произвольно, на полуслове вырванное из темноты прошедшего на полуслове и обрывается. Случай стоит в начале замысла, случай определяет правила игры и заявляет о себе как о полноправном, а то и главном участнике на празднике исторического познания.

«Однажды в архиве мне случайно попало...»: немало исторических исследований начинается так или похожим образом. Характер подобных находок, демонстрирующий и магию, и неопределенный статус исторического ремесла, равно как и неизбежная фрагментарность найденного, ставит историка перед вопросом: что с этим, собственно, делать? Публиковать в жанре археографов позапрошлого столетия «новья материалы к...» порочно по отношению к читателю, который остается один на один с сырым материалом. Но и для монографии корпус источников все же ограничен. Здесь выбран компромиссный путь: тексты публикуются *in extenso*, в сопровождении других материалов и с развернутым комментарием, предлагающим, но не навязывающим интерпретацию. В таком случае сам материал в большой степени диктует вопросы и рамки, а не наоборот, когда выжимки из него служат иллюстрацией к более или менее априорным тезисам³⁴.

В нашем случае личный характер документов сразу поворачивает указатель на историческую антропологию — историю людей. Круг авторов писем подразумевает исследование определенной социально-профессиональной группы. Историю скорее микроуровня. И историю локальную, ибо центральный содержательный стержень этих писем, баталия и следующий за ней период, привязан к определенным пространственным и временным координатам³⁵.

Скелет первоначальных справочных комментариев понемногу обрстал плотью деталей; обнаружившиеся ниточки заставляли, как котенка с клубком, не выпускать их, прослеживая дальше. Среди этих своеобразных гиперссылок были и синхронные, отсылавшие к персоналиям и реалиям той же эпохи, и асинхронные, которые вели в последующие времена вплоть до современности. Комментируя, к примеру, письмо И. П. Леонтьева (№ 73), я обнаружил, что выстроенную им и разрушенную во времена оны усадьбу выкупил

³⁴ Каменский 2007, 20.

³⁵ Füssel, Sikora 2014, 21.

и восстановил современный потомок. Отослав в усадебный музей копию письма прапрапрабабке, которую та 260 лет назад так и не получила, можно было почувствовать хоть отчасти, что такое власть над временем. Обнаружилась между тем и масса перекрестных ссылок между письмами и их авторами. Естественным путем вводные комментарии переросли в своего рода *histoire totale* или пусть ограниченную, но энциклопедию военно-офицерской русской жизни на данную эпоху. В этом контексте найденные тексты звучат по-иному и по-иному позволяют выстроить обобщения.

Вырисовывавшийся сценарий с крупными планами диктовал, в свою очередь, необходимость максимально сузить временные рамки. Взять в этом качестве год — прием вполне проверенный и популярный, будь то годы судьбоносные, вроде 1812, 1913, 1917, 1937, или, наоборот, заурядные, позволяющие лучше ощутить вкус повседневности, как, скажем, 1718³⁶.

Письма, как сообщает и заголовков, с *войны*. Война и баталия предстает на разных уровнях от высшего командования до подпоручиков и штабных канцеляристов. Ощутимо меняется оптика видения событий, становится хотя бы отчасти доступен опыт переживания «простого» (условно — насколько «прост» может быть имеющий офицерское достоинство) человека³⁷. Второе столь же очевидное: в антропологическом ракурсе, к которому располагают письма, война предстает повседневностью особого рода, сопровождаемой экстремальными переживаниями³⁸. Это придает письмам особый оттенок живости в жанре «пишу тебе на сапоге убитого товарища»³⁹.

Его видно в самом буквальном смысле: вот черкает несколько строк через силу насквозь промокший Яков Брюс, прежде чем завалиться на тюфяк (№ 26); вот расплываются буквы и валятся строчки у Федора Мухортова, который пьет с однополчанином чарку водки за здоровье тещи (№ 17); вот разводы от какой-то «птички», отправленной вместе с письмом своей любезной Алексеем Ильиным

³⁶ Кошелева 2004, 15–16.

³⁷ Бильбасов 1887, 31.

³⁸ Ближе к этому подходят реалии плена, см.: Козлов 2011; Лавров 2010.

³⁹ Между прочим, и буквально: «Пишу сие между убитыми, на обгаженном кровью поле баталии», — сообщает своей матери (!) офицер из франко-саксонской армии после битвы при Луттерберге в 1758 г. (Ганс Карл Генрих фон Траутцшен — матери, Луттерберг 11.10.1758 // *Trautzschen* 1769, 93).

(№ 50); вот жуткий скачущий почерк раненого Василия Долгорукова, к тому же в юности учившегося письму тайком в походных условиях (№ 77): та самая жизнь, «теплящаяся в остывших чернилах» из эпиграфа Вяземского.

Баталия — кульминация, требующая эмоционального переживания и интеллектуального осмысления, заставляющая привязать эту повседневность к «большим нарративам». С личным происхождением источника и привязкой к «большим нарративам» связан третий ключевой элемент, вопрос о самосознании авторов писем.

В историографическом смысле исследование вписывается в обширное поле так называемой «новой военной истории»⁴⁰. Ее новизна заключается в применении к реалиям войны культурно-антропологического подхода и проблематики «человека на войне» в противовес «старой» событийной и «идейной» истории войн. Полемическое противопоставление, впрочем, может быть снято: «большие нарративы» вовсе не противоречат включению антропологического фокуса⁴¹. В европейской историографии ключевое значение для этого направления приобрели публикации в рамках нескольких научных и издательских проектов. «Война в истории» (KRiG, *Krieg in der Geschichte*) в Германии связана с результатами работы Особой исследовательской группы в Университете Тюбингена «Военный опыт. Война и общество в Новое время»⁴². Два других проекта — английская серия «Война, культура и общество, 1750–1850» (*War, Culture and Society*)⁴³, и немецкая «Война и общество раннего Нового времени», которую выпускает одноименный центр (*Arbeitskreis Militär und Gesellschaft in der Frühen Neuzeit*) в Потсдаме⁴⁴ — особое внимание обращают на войны раннего Нового времени, в том числе, и особенно, на Семилетнюю.

Фундаментальная перемена взгляда на эту войну происходит с изъятием ее из национально-исторического контекста, ха-

⁴⁰ *Pröve* 2010, 105–124.

⁴¹ Как показывает, например, исследование Доминика Ливена о войне 1812–1814 гг. (*Ливен* 2012).

⁴² <http://www.uni-tuebingen.de/SFB437>; https://www.schoeningh.de/katalog/reihe/krieg_in_der_geschichte.html, посл. обращение 20.07.2015.

⁴³ <http://www.palgrave.com/series/war-culture-and-society-1750-1850/WCS>, посл. обращение 20.07.2015.

⁴⁴ <http://lit-verlag.de/reihe/huss>, посл. обращение 01.09.2017.

рактального для континентальной, особенно немецкой, традиции, и перевода фокуса на региональный или глобальный. Семилетняя война оказывается этапом развития «атлантического мира»⁴⁵, но одновременно и важным моментом «подъема восточных держав» Европы, начинающегося с Великой Северной войны и заканчивающегося разделами Польши и триумфом над Наполеоном⁴⁶.

Для империи Габсбургов Семилетняя война, казалось бы, была не более успешной, чем для России. Тем не менее *war effort* австрийцев в противостоянии с Пруссией справедливо рассматривается как важная часть в общем удачной модернизации империи, обеспечившей ее существование в последующие полтора столетия. Австрийский материал представляется едва ли не наиболее близким к нам структурно случаем для сравнения с Россией⁴⁷.

В британской традиции Семилетняя война всегда рассматривалась как ключевой момент в борьбе за мировую империю. Неудивительно, что именно здесь стали говорить и о глобальном характере «первой мировой войны» с строчной буквы, — как понимал ее уже Уинстон Черчилль⁴⁸. В этом качестве Семилетняя война может оспорить у Первой мировой со прописной и статус «родоначальницы эпохи модерна»⁴⁹.

Война как экспонента эмоций и пограничных психологических состояний привлекала и привлекает внимание историков соответствующего профиля⁵⁰. В России «военно-историческая антропология» развивается в основном с акцентом на мировых войнах XX в.⁵¹, но многое в этом отношении сделано и для эпохи Наполеоновских войн. Скромный интерес, который проявлялся к участию России

⁴⁵ *De Bruyn, Regan*, 2014.

⁴⁶ *Scott* 2001.

⁴⁷ См.: *Hochedlinger* 2003; *Duffy* 2000 и 2008; *Stollberg-Rilinger* 2017.

⁴⁸ *Füssel* 2010; *Danley, Speelman* 2012; *Externbrink* 2011; *Baugh* 2011; *Black* 2013, 94–96; *Churchill Winston S.* A History of the English-Speaking Peoples. Vol. 3. New York—London 1957 (название главы о Семилетней войне).

⁴⁹ *Patrick J. Speelman.* Conclusion: Father of the modern age // *Danley, Speelman* 2012, 519–536.

⁵⁰ *Geyer* 1995.

⁵¹ *Синявская Е. С.* (ред.). Военно-историческая антропология. Ежегодник. М. 2002, 2003/2004, 2005/2006; *Маленький человек и большая война в истории России.* Середина XIX — середина XX вв. СПб. 2014.

в войне Семилетней, преимущественно связан со «старой» военной⁵² и внешнеполитической историей⁵³.

Особый оттенок публикуемому материалу придает обстоятельство, что письма писались по свежим следам генеральной баталии. Для раннего Нового времени подобные свидетельства в таком количестве даже в европейском сравнении редки⁵⁴. Схожие по типу «Письма Ватерлоо», к примеру, все же представляют собой воспоминания о баталии, написанные четверть века спустя⁵⁵.

Баталия — а тем более баталия генеральная — представляет событие, которого могут, как в кампанию 1758 г., ожидать среди бесконечных маршей и контрмаршей месяцами. В нем сходятся не только страхи, но ожидания и надежды; оно делит жизнь на *до* и *после*. Баталия представляет собой кульминацию столкновения человека, уже вовлеченного в войну, с «большой» историей. Она требует осмысления в духовном и рациональном смысле, остается в памяти и автобиографике. Памятные даты баталий встают в новых календарях вровень с религиозными праздниками, обозначая новое линейное время наравне с циклическим церковного года. Даже в примитивных дневниковых погодных записях, которые часто встречаются на таких календарях, наряду с личными событиями — рожденьями, смертями, браками — прежде всего фигурируют случившиеся сражения. Наряду с текстами баталия производит целый фонтан артефактов — гравюры, табакерки, платки, лубки, медали. Наш корпус текстов представляет первый этап фиксации переживания баталии, прежде чем этот опыт попадет в мемуары, а далее в трактаты об исторических событиях, написанные их участниками⁵⁶.

⁵² Масловский 1886–1891; Масловский 1883; Коробков 1940; Кеер 1989.

⁵³ Щепкин 1902; Анисимов 1986; Яковлев 1997; Нелипович 2010; Лиштенан 2012; Черкасов 2010; Анисимов 2014. Из немногих исключений — отдельные статьи ежегодника «Война и оружие», издающегося Военно-историческим музеем артиллерии в СПб.

⁵⁴ Единственный известный мне пример — сборник писем прусских солдат после баталий при Лобозице (1756) и Праге (1757) (*Briefe preußischer Soldaten*, 1901). Здесь мы, правда, имеем дело с копиями и выписками. Зато в большинстве своем это — иностранные! — письма именно солдат и унтер-офицеров, что для России за редкими исключениями (Козлов 2008) в наш период малопредставимо.

⁵⁵ *Siborne H. T.* (ed.). *Waterloo Letters: a selection from original and hitherto unpublished letters bearing on the operations of the 16th, 17th, and 18 June 1815, by officers who served in the campaign.* London 1891.

⁵⁶ Как Тильке (*Tielke* 1776) с российской стороны или Архенгольц (*Archenholz* 1788) с прусской.